

ЧЕЛОВЕК КАК ПРАВОВОЙ ДЕЯТЕЛЬ В АКТУАЛЬНОЙ И ВИРТУАЛЬНОЙ ПРАВОВЫХ РЕАЛЬНОСТЯХ

В процессе правового мышления теоретика-исследователя и юриста-практика всегда используется определенный набор исходных понятий и концептов, на которых основывается представление о праве и правовой реальности. Само представление в данном случае имеет онтологическое значение и обращает к вопросу о субъекте правового представления, о том лице, которое «собирает», конструирует правовую реальность и осуществляет ее презентацию путем различных юридических процедур. Доктринальное осмысление того или иного правового явления ученым, разработка проекта нормативного правового акта юристом-практиком, толкование права, юридическая квалификация и другие действия и есть составные элементы воспроизводства научной либо практической картины мира права. В современной методологии правового познания, наиболее часто ассоциирующейся с этапом постнеклассической научной рациональности и формированием постклассической юриспруденции, данная особенность связана с включением субъекта познания в объект познания, с необходимым анализом человекомерных составляющих, постоянно присутствующих в конструктивистской деятельности по созданию мыслимого объекта.

Внимание к человеку как к реальному правовому деятелю и правовой личности, участвующей в правовом общении и не ограниченной ее юридико-догматической формализацией в модели субъекта права, связано с формированием в юриспруденции антрополого-правовой методологии. Последняя не является обязательным гносеологическим компонентом любой правовой концепции или типа правопонимания, однако уяснение определенного ряда вопросов как теоретического, так и практического характера требует как минимум учета предлагаемого ею инструментария. Сознательное ограничение понимания и, соответственно, правового представления о человеке только его субъектно-правовой моделью ограничивает познавательные возможности в юриспруденции, а также указывает на приверженность юридико-догматическому стилю мышления. Напомним, что субъектно-правовая модель в строгом смысле выступает юридико-догматическим изводом юридического позитивизма, который на первый взгляд достаточен для практико-ориентированного правового мышления. Однако в реальной правовой жизни, имея в виду понятие «субъект права», человека всегда мыслят глубже, шире и конкретнее, более антропологично, и это вполне объяснимо. Исключением является лишь техническое опосредование юридической деятельности, которое в последние годы приобретает все большие масштабы.

Таким образом, человек в праве как правовой деятель в антропологии права рассматривается не только в плоскости юридико-догматической субъектно-правовой онтологии. Под человеком как правовым деятелем понимаются все возможные формы присутствия лица в правовой реальности, которых всего можно выделить две: субъектно-правовую и антрополого-или личностно-правовую. Последняя включает в себя понятие правовой личности, а также целый ряд личностно-правовых компонентов, не входящих в субъектно-правовую модель. Важнейшее место среди этих компонентов принадлежит личностным правовым ценностям.

Методологическое значение антрополого-правовой модели человека как правового деятеля проявляется относительно вопроса о правовой реальности. На практике наиболее часто подразумевается тождество между отраслевым законодательством и понятием правовой реальности в конкретной сфере регулирования, например, уголовно-правовая реальность отождествляется с нормами Уголовного кодекса, уголовно-процессуальная – с нормами Уголовно-процессуального кодекса и т. д. Предполагается, что реальность, т. е. «все, что есть», в отраслевом праве обусловлена нормами статутного права. Однако стоит лишь поставить вопрос о реальных источниках действующего отраслевого права, а также о регулятивных механизмах правоприменения, роли актов нормативного и ненормативного толкования, обыкновениях правоприменительной практики, руководящих указаниях, в целом о сравнении практики правореализации в различных территориальных подразделениях одного и того же правоприменительного органа, то тождество между нормативной системой права и правовой реальностью как таковой не выглядит уже столь очевидным. Как уже отмечалось, человек как правовой деятель выступает в качестве самостоятельного актора воспроизводства правовой реальности, именно поэтому последняя является антрополого обусловленным правовым явлением. Субъект права при этом, как отмечал Г. Кельзен, является лишь комплексом норм, вмененным человеку средствами юридического конструирования статусом, вне которого самого субъекта, а значит, и представляемого лица в правовой реальности не существует. Именно поэтому последняя и не ограничивается только этим статусом, а включает в себя всю палитру антрополого-правовых проявлений. Любой антрополого-правовой акт, не включенный в субъектно-правовую модель ввиду своей неконструктивистской природы, например, процесс оценки доказательств, избрание вида, времени, количества, порядка осуществления того или иного действия в ситуации правовой дискреции и т. д., оставляет личностно-правовой отпечаток и в строгом смысле является не субъектно, а личностно обусловленным актом.

Следует заключить, что наличная правовая реальность не ограничивается юридико-концептуалистскими образованиями, а представляет собой существующий мир права в совокупности составляющих его идеальных (концептуальных) и материальных (фактических) элементов, обладающих правовой значимостью вследствие различных способов юридизации. В антрополого-правовой концепции центральным элементом правовой реальности является человек как правовой деятель.

Значение антрополого-правовой модели важно с позиции понимания виртуальной правовой реальности, под которой мы понимаем моделируемую информационно-коммуникационными технологиями среду элементов права, лишенную ввиду своей модельно-технологической природы одного либо нескольких параметров наличной правовой реальности. В виртуаль-

ной правовой реальности специфически представлены базовые онтологические характеристики наличной правовой реальности – время, пространство, а также человек. Вследствие этого многие традиционные юридические понятия в виртуальной правовой реальности трансформируются, например, правовое отношение, правонарушение, субъективное право и т. д. Хрестоматийным примером модификации традиционных понятий в виртуальной правовой реальности стало право на забвение в сети Интернет, гарантировать реализацию которого практически невозможно.

С появлением возможностей цифровизации человека и создания его «цифрового двойника» как субъекта права подтвердились и стали очевидными два факта. Во-первых, сугубо конструктивистский характер формально-догматической модели субъекта права, оказавшейся удобной для ее цифровизации и вообще для любой формы виртуальной обработки вплоть до абсолютного отчуждения от реального человека. Во-вторых, важность и неустранимость антрополого-правового представления в процессе правового регулирования общественных отношений. Дело не только в том, что необходимо поддерживать корреляцию (например, в случае привлечения к юридической ответственности) между живым человеком и его цифровой формой (аккаунтом, IP-адресом и т. д.), а в том, что отсутствие ориентации на человека в праве в развитии виртуальной правовой реальности может привести к искажению целей права, связанных с достижением справедливости, блага, обеспечением прав и свобод людей. Правовые эксперименты с системой социального контроля в Китае с использованием цифровых платформ показывают, что замена правовой нормы, неизменно связанной с антропологом понимаемой нормативностью, программным кодом и «цифровой личностью» значительно дискредитирует личностно-правовые свойства, а за ними и самого человека. Замечено, например, что введение балльной системы стимулирует несвободные формы поведения, а программный код перехватывает нормативно-правовой код (право-обязанность), в котором всегда присутствует человеческая свобода, связанная с достоинством личности и с проявлением человеческого в человеке.

УДК 340.1

М.А. Пашкеев

НРАВСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Тема представленного тезиса доклада «Нравственно-правовые основы деятельности органов внутренних дел» связана с социально значимыми взаимоотношениями между людьми, определяющими понимание смысла их существования и являющимися центрами их общения, упорядочения поведения и передачи нравственного опыта.

Возникающие в процессе работы нравственные отношения существуют в виде набора определенных связей и зависимостей, которые и являются условием осуществления этой деятельности. Коллектив сотрудников органов внутренних дел весьма своеобразен и является отражением возложенных на них специфических задач поддержания общественного порядка в государстве, строгой регламентацией их деятельности, которая строится на основе беспрекословного выполнения распоряжений и приказов, субординации и определенной замкнутости связей и контактов в процессе общения между сотрудниками органов внутренних дел.

Каждый вид юридических, правоохранительных профессий предъявляет к своим представителям ряд характерных нравственных требований, постоянно накладывает на их нравственную культуру свой отпечаток.

Всем видам юридической деятельности присущи как общие, так и специфические профессиональные моральные требования и нормы, обязательные для соблюдения каждым сотрудником, так как все они носят нормативный, фиксированный в различных правовых актах характер.

Деятельность органов внутренних дел многогранна, что не может не находить отражение в профессиональной этике, которая в данном случае носит в значительной степени собирательный характер, так как в ней обобщаются особенности поведения и нравственной культуры сотрудников криминальной милиции, милиции общественной безопасности и т. д.

Любой человек независимо от своей свободы и желания охвачен сферой нравственных отношений. Важнейшей особенностью нравственных отношений является их универсальность, выражающаяся в проникновении во все сферы жизнедеятельности людей. В ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий оперативникам приходится вступать во множество различного рода отношений. Сложность этих отношений определена тем, что многие из них не поддаются правовому регулированию, сфера действия которого уже, чем морального регулирования. Для решения оперативно-розыскных задач следует четко осознавать значение морального фактора и эффективно использовать его, учитывая, что моральные правила могут играть такую же эффективную роль, как и правовые. Борьба с преступными посягательствами на права и законные интересы граждан, общества и государства – это общее дело не только оперативных подразделений, но и всех органов внутренних дел. Вследствие чего важно часто пересиливать местничество, амбициозность и корпоративность. В современных реалиях можно говорить о том, что становление и развитие нравственно-правовых отношений как в целом всей деятельности органов внутренних дел, так и ее специфической оперативно-розыскной деятельности прошли большой этап, став самостоятельной темой для изучения.

Оперативно-розыскная деятельность в силу специфики ее средств и методов получения информации, сопряженности оперативно-розыскных мероприятий с ограничениями конституционных прав и свобод граждан, использования содействия различных лиц, в том числе на конфиденциальной основе, была и остается предметом критики и пристального интереса как простых обывателей, так и юристов, политиков и правозащитников. Это объясняется тем, что все тайное всегда вызывало и вызывает любопытство, порождает сомнения, содержит предпосылки для злоупотреблений, становится объектом не только правовой, но и нравственной оценки. Вместе с тем оперативно-розыскная деятельность исторически была и остается эффективным и необходимым средством противодействия преступности, обеспечения безопасности личности, общества и государства.